

Начальник Главного разведывательного управления Красной армии (по первым буквам — РУКА, вечный повод для шуток со стороны коллег из разведки политической, так сказать, штатских, где такие же люди звались, наоборот, очень поэтично: 5-й отдел ГУГБ НКВД СССР!), заместитель начальника Генштаба Красной армии генерал Филипп Голиков 27 июля 1940 года сидел у себя в шикарнейшем кабинете на Знаменке в Москве и занимался двумя страшно важными вещами. Левой рукой гладил себя по полностью обритой голове, а правой

кидал в висевшую на стене политическую карту мира с разноцветными пятнами государств австрийские штыки, стараясь, чтоб все три попали в похожую на птицу с поднятыми крыльями Германию. Но метатель из него был очень средний, и штыки (если втыкались!) попадали то в Великобританию (что неплохо), то в Атлантический океан (что безразлично), то прям в СССР (что плохо!). Настроение на нуле. Сообщения от наших нелегалов, его прямых подчиненных, — самые отвратительные. Через слово — «Гитлер», «война», «Барбаросса», «22 июня»... И что при-

кажете делать генералу, шефу всего военного шпионажа Красной армии?! Через сорок-пятьдесят минут Сталин на своей даче проснется и между первым стаканом чая и походом в сортир обязательно позвонит по ВЧ-связи своему верному армейскому разведчику. Ему! А через три часа помощник Генсека вызовет на доклад в Кремль. А в шесть вечера позвонит Сам: «Доложи, что нового?!» И перед сном, в три ночи, придет списки подозрительных на замену, шпионаж, вредительство замнаркомов, генералов, конструкторов оружия, армейских комиссаров, военных атташе в наших диппредставительствах, флагманов флота 2-го ранга, резидентов ГРУ за границей... И на каждого потребует характеристики, агентурные данные, заключения за его, Голикова, подписью... Что потом будет, он преотлично знал. Ровно два года назад его, комкора, члена Бюро ЦК компартии Белоруссии, изгнали из армии и отдали под суд. Если бы не заступничество Ворошилова тогда, в тридцать восьмом, то...

Из изгоев он вновь теперь член первой дюжины СССР, но легче не стало. Он воевал в Империалистическую. И воевал в Гражданскую. И после нее. Но сейчас война пока шла в Европе, да все ближе катилась к нашим берегам. Для любого военного человека это было совершенно ясно. А для такого, что знал и фашистские секреты, — подавно. Но пройдя через травму близкого и почти неминуемого расстрела, сегодня генерал-лейтенант танковых войск просто трусил. Нет, вслух он говорил о возможных провокациях, игре на советских нервах, как на балалайке, о слухах, панике... То есть повторял подчиненным то, что на его доклады грубо отвечал Кремль. А Кремль, чтоб вы догадались, это вам не «дедушка Калинин» и не «гастрономический Микоян»! Это тот Кремль, что даже в хорошем настроении, отпуская из кабинета генерала ленивым жестом курительной трубки — английской, чтоб вы знали, товарищи судьи, — приговаривал: «Иди, соленые уши!» Намекал, что Голиков по рождению пермяк, а их именно так и дразнили...

С мест, с границ, из особых отделов штабов округов запрашивали планы действий «в случае чего». А как подпишешь такой приказ?! Шпионы слали панические шифровки о планах немцев и просили установок Центра. А что им сообщать?! Дома и то теща спросонья спросила: «Филя, спички-соль закупать? — Зачем? — Так война ж будет!» И штыки все не туда втыкаются!..

И так — каждый божий день: в 12 часов дня первый звонок, потом вызов с докладом, перед Его ужином еще звонок и ночью фельдъегерь с пакетом документов...

В мире шла война. В Европе, в Азии. То и дело вспыхивали государственные перевороты, антиколониальные восстания на Ближнем Востоке, в Латинской Америке. Пока далеко. Но авиация и флот делали ранее неприступные места довольно доступными... Генерал был весной

на военных учениях в Западном особом округе — да, далеко техника шагнула с тех пор, когда Филипп Иванович был унтером у царя, а с 18-го года — красноармейцем, а потом политработником и командиром полка.

Каждый день Сталину докладывали о немецком марше на Запад. И это его жутко веселило! Захват Польши шел больше месяца, а Дании — меньше дня. Потом немецкая машина подкатила к границам Франции и... остановилась. Не стреляли немцы, но не стрелял и объединенный франко-британский фронт. С 3 сентября прошлого, 39-го года тупо стояли на своих неприступных линиях. Немцы у «Зигфрида», союзники у «Мажино». Солдаты перекрикивались из окопов, ставили на патефоны друг дружке пластинки. Явно не хотели умирать. Один умник на совещании Военного совета РККА поехидничал: «Они как беременные гимназистки. Все думают: авось рассосется!»

Ну да, рассосется! Под Гитлером и Муссолини уже вся Польша, Чехословакия, Дания, Норвегия, Бельгия, Албания, Голландия... На их стороне Финляндия, Румыния, Словакия, Болгария, Венгрия. Им помогает Испания, Португалия, частично Турция... Еще держатся Греция, Швеция, Югославия, Швейцария... Что делать?!

И вот наступило 10 мая! Немцы пошли-таки вперед. Двумя танковыми клиньями они гнали еще вчера веселых франков и британцев, прижимали их к Ла-Маншу. И вдруг (на войне часто бывает это «вдруг») 24-го, окруженные со всех сторон, полностью деморализованные противники в Дюнкерке уже законно ждали смерти, а Гитлер взял да и отдал приказ своим войскам остановиться. 26-го Лондон приказал **своим** эвакуироваться на остров — назвали это «Операция "Динамо"»... Кое-кто в Кремле пошутил: «Надеюсь, не тифлисское!» В общем, дали англичанам уйти! Фюрер развернул части группы армий «А» и танки группы армий «В» на юг, танки Клейста форсировали Марну... 13 июня правительство Франции бежало в Бордо. 14-го немцы вошли в Париж. 22-го подписали перемирие... Все!

— Вай мэ! Как с тросточкой по Европе прошел! — было сказано в самом главном кабинете страны.

С этого момента совещания в кабинете самого главного военного шпиона шли круглосуточно. Генштаб РККА так работает, когда война идет на нашей территории или нашими войсками. В разведке, когда не на нашей и не красноармейцами. Но и у этого военного подразделения были свои войска. Да, этим бойцам невозможно было бы тягаться с молодцами, что ходят в парадных коробках по Красной площади. Не побеждать им в спортивных соревнованиях с красавцами краснофлотцами и не гарцевать так же красиво, как бравым советским кавалеристам. Не пробежать с рекордом стометровку. Часто это были пожилые люди, с пузцом, в очках, седые. Были

и женщины разных лет. Разного цвета кожи. Многие не говорили по-русски или плохо знали язык. Но это была армия! Их сведения тянули на весах войны как смертельные атаки стрелковых дивизий, авиационных армад и океанского флота. Они сэкономили СССР миллионы долларов от украденных чертежей и образцов военной техники противника. И у них не было охраны, дипломатических паспортов, часто и подчиненных: все сами. И уходили в Небытие безызвестными...

Итак, Франция. Министры и депутаты в Бордо. Немцы повесили флаги со свастикой на Триумфальной арке и на Эйфелевой башне. А в том Бордо «шел большой "бордо"» (цитата одного горца в Кремле): премьер-министры уходили в отставку каждую неделю, на заседаниях всех уровней были лишь крики, взаимные обвинения и мат (его во французском вообще-то нет, но если хочется...). В общем, это Гитлеру тоже надоело, и он выгнал правительство из Бордо, туда пришли армейские части вермахта. Тогда французские начальники побежали на все четыре стороны. Кто-то — в колонии, вплоть до Индокитая. Кто-то поближе, в Марокко и Алжир. Кто-то в Британию к де Голлю, немногие — служить прямо немцам, а многие сплотившиеся вокруг 84-летнего маршала Петэна сбили правительство «Свободной Франции» и стали сотрудничать с победителями как бы на правах младшего партнера. Гитлеру некогда было именно сейчас зачищать Францию, он приказал посадить марионеток в курортный городок Виши.

Туда же вынуждены были перебраться все тридцать два посольства, что пока не разорвали отношения с проигравшей страной. С одной стороны, Франция потеряла ранг великой державы и практически не могла оказывать какого-либо действенного влияния на развитие международных отношений. Но с другой — правительство Петэна было сформировано формально с соблюдением всех законных форм. Для советского руководства не могло быть и речи о *непризнании* новой власти во Франции...

В полдень позвонил нарком иностранных дел и член Политбюро Молотов:

— Товарищ генерал, сколько ваших людей в нашем представительстве при правительстве Виши?

Вопрос штатского хряка! Ну как на него отвечать даже по правительственной телефонной связи?! Где конспирация?! Где железные законы секретности?!

— Вячеслав Михайлович... Может, доложить лично?

— Скорее, это спрашиваю не только я!

— Штатных трое. Плюс радист-шифровальщик. И неопределенное количество контактов.

Молотов стал заметнее заикаться:

— Генерал, что значит неопределенное?! Как так может быть? Есть же штатное расписание, зарплатные ведомости, ваши архивы, наконец!

— Посольство из Парижа, с улицы Гринель, уезжало в спешке... Многие связи прерваны или потеряны. Трудно сказать точно...

— По нашим сведениям, в НКВД из Бордо в Виши выехали двенадцать наших дипломатов и шестьдесят три члена их семей, технического персонала, obsługi. И там ваших только четверо?

— Не мы, а вы даете квоты на дипломатические посты в загранмиссиях, товарищ нарком, — набрался духу генерал возразить второму человеку в СССР.

— Не забывайте, Голиков! Я не из любопытства спрашиваю! У вас с ними есть связь?

— Только курьерами. Из Швейцарии, Дании, Португалии.

— Это долго... Хорошо, договорим на заседании Политбюро! — грозно посулил Второй и бросил трубку.

Такие разговорчики тоже не улучшают пищеварение. Пришлось вызвать сразу всех спецов по Южной и Центральной Европе. Наорать на офицеров и ведущих специалистов в штатском. Как говорят в той же Богом проклятой Франции (со столицей в никому неизвестном Виши), *noblesse oblige* — положение обязывает.

21 июня уже следующего, 41-го года, хоть и не вызывали, Голиков напросился на прием. В папчке у него горели три телеграммы из Франции, от военного атташе и двух нелегальных резидентов — Генри Робинсона (Гарри) и Леопольда Треппера (Отто): «Командование вермахта завершило переброску войск к советской границе и завтра, 22 июня, оно внезапно атакует Советский Союз».

Сталин взбешенно бросил совсекретные листки шифровок на пол в столовой, где принял стоя своего глввоеншпиона. Крик его перешел в шипение:

— Мы тебя, Голиков, в 38-м не стали расстреливать, но легко это можем сделать сейчас, в 41-м! Эта информация является английской провокацией. Найдите автора и накажите его.

И добавил целую злобную тираду на грузинском, плюя слюной через вставные зубы. Его визави восточного языка, понятно, не знал, но как-то все понял. Голиков опустил голову...

Утром 22-го после звонка домой оперативного дежурного генерала Генштаба РККА комкор сразу выехал в здание Разведуправления. Дежурному офицеру в своей приемной мстительно приказал отвечать на все звонки из Кремля: «Товарища начальника нет. Он выехал на задержание агентов-парашютистов». Сел в кресло и стал считать, сколько раз и как долго будет трезвонить аппарат ВЧ-связи на особой полочке у письменного стола. С пяти до шести утра «вертушка» не умолкала ни на секунду. Генерал-танкист сейчас очень жалел, что не знает грузинского, а то б пару слов за ним бы не заржавели!

В Виши шла глупейшая комедия под пошлыми названиями «И всюду жизнь!». В крошечном курортном городке нужно было разместить премьеру с его аппаратом, правительство, все министерства, Генштаб, штаб полиции, дипкорпус. Называется: чтоб все как у взрослых... Городок, конечно, курорт, но не Ницца и не Марсель. Маленький такой в департаменте Альпе, провинции Овернь-Рона-Альпы. Да, тут был бальнеологический курорт — термальные воды и минералка. Мелкие гостинички, частные санатории, фальшивые врачи, которые никого еще не вылечили, жадные сдатчики комнат внаем... И сюда переселили пол аристократического Парижа! Да... Чтоб подчеркнуть видимость независимости правительства Петэна, Гитлер даже назначил сюда своего посла — Круга фон Нидда.

Убегая с улицы Гринель, посол Богомолов совершил преступление против французского законодательства, а именно: приказал снять в местных банках все деньги со счетов постпредства. И в опечатанных чемоданах сотрудников (и собственной жены) ехали в ссылку несколько миллионов франков. Мест под все тридцать два посольства не осталось (кроме, понятно, берлинского), работали в тех комнатах отеля, куда их определили на постой ошалевшие от этого Вавилона местные власти. Заседания дипломатов СССР проходили в спальне постпреда Богомолова. На них, как правило, присутствовали восемь-девять человек, потому что трое постоянно отсутствовали. А именно военный атташе генерал-майор артиллерии И. Суслопаров, его помощник майор авиации М. Волосюк и бывший консул в Париже А. Бражников. Что они делали во время ежедневных семичасовых «пятиминуток» у посла — не знал никто. Но все крепко догадывались. И так изо дня в день вплоть до 29 июня 1941 года.

Не оговорился. Не до 22-го, а именно до предпоследнего календарного дня июня. Представляете, на единственном светофоре городка встречаются 29-го того месяца два авто: на одном флажок первого в мире социалистического государства, а в салоне сдержанный, худой, с большими записными постпред А. Е. Богомолов, а рядом тормозит звероподобная машина первого в мире национал-социалистического. Флажок со свастикой. Из-за стекла машины злобно блестит монокль барона фон Нидда. А немцы уже заняли Минск...

Четыре советских разведчика — единственные люди, кто не потерял голову ночью 22-го. Ведь радио слушали круглосуточно. Это в Москве о войне сообщили в полдень, а в Берлине — в четыре часа утра. По приказу Богомолова разбудили членов маленькой колонии, кроме двух грудных детей, постпред заставил всех во дворе отеля жечь дипломатические документы, переписку, архивы.

Тут на пороге номера возник генерал Суслопаров.

— Александр Ефремович... — и зырк на его полусонных жену и сына Сережу, — прошу об аудиенции!

Шпиону не откажешь, выставил своих:

— В чем дело, Иван Алексеевич? Только коротко...

— А чего гармонь растягивать?! Мне нужны все деньги и чистые бланки паспортов.

— Зачем? — спросонья не сообразил посол, потому и вякнул бестактность.

Генерал продемонстрировал свои вятские желваки и ответил прямо, честно, как разведчик Генштаба:

— Затем!..

Бывший профессор истории и философии Богомолов сразу проснулся от этих берущих за душу простых русских слов. Указал на три опечатанных чемодана в стенном шкафу и портфель под столом женского трюмо. Суслопаров выглянул в коридор, сразу вошли еще трое и те нужные вещички вынесли.

— У вас есть новости? — только и успел спросить постпред генерала.

— Скоро должны быть, Александр Ефремович... Мы этот вариант прорабатывали...

Дальше была неделя полной неопределенности! В министерстве иностранных дел Виши у министра Дорлана с Богомоловым теперь не здоровались ни немец, ни итальянец, ни венгр, ни даже представитель Манчжоу-Го — страннейшего государства, с которым СССР все ж граничил и в котором имел свое посольство... Зато мило общался князь Немито, японский посол, и Милчо Николов, болгарский (София была союзником Берлина, но войны СССР не объявила!). 29 июня куратор советской миссии в МИДе Виши барон Арк сам прибыл в гостиницу к Богомолову.

— Ваше превосходительство, вынужден с сожалением вам сообщить, что завтра вас вызовут по печальному поводу... — начал этот толстяк и умолк, разводя руками.

— Разрыв?

— Увы.

— А что с нами?

— Вас обменяют на наше посольство в Москве.

— Пришлют самолет?

— Почти наверняка — нет. Скорее всего, поездом.

— Как вы, барон, это себе представляете? Международной вагон Виши — Париж? Париж — Варшава? Варшава — Москва? — мрачно иронизировал постпред.

— Нет, это исключается... Даже в опломбированном вагоне. У вашей партии ведь есть опыт проезда в опломбированных вагонах по территории противника... Но сейчас не 1914-й. Это уже невозможно.

— А морем?

— Куда? — в свою очередь спросил барон. — В Испанию? Исключено! Мсье Франко очень хорошо помнит помощь вашего правительства мятежникам.

— Тогда, насколько я помню, мятежником против законного правительства Мадрида был именно Франко... Потом, у нас несколько детей, двое грудных, кормящие матери, женщины вообще...

— Но в Мадриде сейчас именно генералиссимус! Оставим это... Переправить вас к англичанам в Гибралтар или Каир мы не можем, нет отношений. А с британской стороны и желания... Поэтому крепитесь, Ваше превосходительство, путь будет трудным и долгим. По железной дороге...

Сразу после отъезда де Арка постпред вызвал Суслопарова и Волосука.

— Как они нас хотят провезти по Европе?

Они склонились над картой. Проигравшую Францию кромсала не одна Германия. Соседушки из Италии немедленно ввели свои войска на Южное побережье, оккупировали небольшую узкую территорию (всего-то в 832 квадратных километра) от горнолыжного курорта в Гренобле на севере своей зоны до средиземноморских жемчужин Ментоны и Ниццы на юге. Заодно прихватили и княжество Монако. Там действовали итальянские законы. Да, фашистские, но куда мягче немецких и даже того же Виши. Например, не депортировали евреев в концлагеря, не отбирали имущества, не арестовывали счета в банках. Поэтому сюда устремились гонимые со всей страны.

Настоящие военные с картой обращались легко: и артиллерист, и летчик карандашами показали Богомолу маршруты. Но утром все эти планы полетели вверх тормашками: в приемной маршала им стыдливо вручили отзывные грамоты, приказали не в сорок восемь и не в двадцать четыре, а через пять часов грузиться в два выделенных для бывшего посольства вагона. Что ж, мы и к этому готовы... Ладно, припомним! Но тут последовала новая вводная:

— Вы едите в... э-э-э... одно уютное... и... э-э... без-опасное место.

— В Париж? Марсель?

— Нет, не совсем... В общем, приедете — узнаете. Маршал желает вам... Даже не знаю... Всего хорошего, Ваше превосходительство...

В теснейших вагонах 3-го класса посольство отправилось... в неизвестность. Военные люди немедленно определили, что не в сторону северо-запада, а как раз наоборот, на юго-восток. Гм... Почему?! Там уже нет ни портов, ни нормальной границы. Только Испания и Андорра, но туда ходу нет. Поезд скрипел, вагоны раскачивались, в охрану выделили полицейских в форме и в штатском. Ехали явно в сторону Пиренеев... На каком-то ж/д полустанке пересели вообще в удивительный состав — шестереночный. То есть колеса у вагонов и маленького паровоза не кругло-ровные, а зубчатые!

Генерал Суслопаров легко объяснил поразительное транспортное средство:

— Это чтоб в гору лезть! Туда дачной электричкой не поднимешься. Трение не то!

Постпред тут спросил по-французски у проходящего смазчика: куда едем?

— В Тьюсс-ле-Бен, мсье...

— Что это такое?

— Дыра... Но красивая. Там, в горах. — Трудяга махнул рукой в сторону высоких уже горок.

Подошедший и слышавший финал разговора майор Волосюк перешел на родной украинский:

— От цэ жак!

— Шо, Макар? Почему «удар»? Шо там такэ?

— Дупа!

Это понял и рафинированный московский профессор-посол.

В крошечном приграничном горном курорте была единственная гостиница. Поселить в ней семьдесят человек было нереально! Но... поселили. Мэр города знал, кто приехал, страшно тому испугался и на поклон не являлся. Главной властью для общения с дипломатами был начальник городского полицейского участка. Двадцать три дня июля дипломаты и их присные только и занимались, что целые дни смотрели на горы и местную мелкую речку, искали любую возможность узнать новости с воюющей родины. Местные власти, выполняя приказ из Виши, приказали сдать в полицию все ламповые радиоприемники, но французы здесь были не французами из Эльзас-Лотарингии, наполовину немцы. Забили они на такие приказы. А хозяин отеля приглашал «Его превосходительство мсье посла» на рюмку перно. Вместо анисовой настойки он угощал Александра Ефремовича радиоголосом из Лондона.

На набережной и в парке не было среди колонии только четверки подчиненных генерала Голикова. Через три недели приехал все тот же барон де Арк. Грустный более обыкновенного:

— Ваше превосходительство, произошли трагические изменения...

— Москва?! — только и выкрикнул Богомолов.

— Нет, нет, не волнуйтесь... Бои идут западнее. Посол Соединенных Штатов передал вам привет и сообщил, что президент Рузвельт заключил договор о поставках в Советский Союз...

— Так в чем трагедия?!

— В том же дипломате... Вы ведь знаете этого нефтепромышленника! Чтоб испортить кровь маршалу, передал нам ноту правительства США: наше посольство в Москве в полном составе... отказалось возвращаться и в Париж, и в Виши. Попросили политического убежища в Штатах и уже улетели туда... А это значит... Это значит, Ваше превосходительство, что вас... менять не на кого!

Барон уехал в мэрию, Богомолов немедленно звонил старших дипломатов и всю четверку из РУКА, сообщил новость. Штатские повели себя как артисты МХАТа СССР: стали заламывать руки, обымать головушки, вскакивать, садиться... Шпионы отнеслись к новости спокойно: встали и вышли. Через два часа в дверь постучал генерал Суслопаров:

— Я по срочному... У нас изменения в гражданском листе.

— С кем-то что-то случилось из наших?

— Нет, Александр Ефремович, численно — тот же состав коллектива. Но вот персонально... произошли некоторые изменения.

— Иван Алексеевич, товарищ генерал, я ничего... Объяснитесь!

Артиллерист подошел к двери номера и сказал кому-то в коридоре:

— Милости прошу!

Вслед за майором Волосоком вошли еще четверо незнакомых мужчин. Они были в штатских костюмах и галстуках, шляпы держали в руках. Но впечатление было такое, что и шляпы, и галстуки они надели первый раз в жизни.

— Познакомьтесь, товарищ полпред. Это наши новые... то есть старые... то есть служащие полпредства: товарищи Колесов, Миклухо, Терентьев, Рыбачков.

Генерал показал на каждого, тот при произношении диких русских фамилий как-то неуверенно кивал или прикладывал руку к сердцу. Один сделал интернациональный жест сжатым кулаком: «Рот фронт!»

— Кто это?! Так сказать, кес ке се?! А где наши... Колесов? Миклухо? Терентьев и Рыбачков?

— В другой раз, в другом месте и времени я бы вам не сказал... Но теперь... В общем, это товарищи, что воевали в интербригадах в Испании против фашистов. Один чех, один немец, француз и испанец. Они поедут вместе наших завхоза, советника, шофера и вице-консула.

— А они? Наши?

— А они... Остаются. У меня приказ из Москвы, только что была курьерская почта. Еле нас нашли... В общем, Александр Ефремович, мы потеряли много наших людей... в общем, нелегальных... наших товарищей. Перебросить новых из Союза крайне сложно и долго. В Москве решили организовать из наших дипломатов... наших помощников. Эти люди с новыми документами поступят в распоряжение нелегальных резидентов. Знать вам этого не надо, я ничего вам не говорил. Наша четверка — все холостые, молодые и, кстати, военнообязанные! В стране война, своей властью я их призвал на наш фронт, тайный. Они в отель больше не вернуться. Вместо них в Союз поедут эти товарищи. Я их уже поселил в номера убывших на задание.

— Так что, ушедшие были ваши?

— Нет, товарищ полпред, они не наши, но они советские! Вы не воевали, но догадываетесь, что на партизан тоже не учат в институтах и даже в вашем МГУ. А когда надо — им просто приказывают. Прошу больше мне вопросов не задавать. Майор будет постоянно с новыми товарищами. А вы, пожалуйста, предупредите народ: никаких вопросов, никаких расспросов до нашей границы в Армении!

Расстроенный всем свалившимся, посол только пробормотал ошеломленно:

— У нас теперь что, граница и с Арменией?

— Да нет... Я от наших французских друзей узнал маршрут. Нас обменяют на членов посольства и торгпредства Италии в Москве. Поедем так: сперва из этого болота в Марсель, оттуда на новую границу с Италией, в бывшую французскую Ниццу. Через старую границу, в Сан-Ремо. Пересадка на поезд Сан-Ремо — Венеция. Новый паровоз — уже в бывшую Югославию, в Белград, там уже немцы, но нас пропустят... Потом София, Болгария. Потом болгарско-турецкая граница в Свиленграде. Там нас будут менять. Поезд на поезд... Знаете такую детско-солдатскую игру «Махнем не глядя»? А-а, ну да, на философском факультете не преподают, понятно... В общем, там дождемся итальянцев и немцев из их представительства «Люфтвагзы» во Пскове, нас «махают не глядя», паровоз на паровоз в нейтральной полосе, переезжаем в Турцию. В Стамбуле нас будет ждать советский теплоход. Над морем летают немцы и румыны, поэтому пойдем в виду бережка, справа, тихонько, на Батум. И дома... Но чтоб попасть в Ад-жарию, над сперва пройти всю Ад-европию... А наши ребята останутся в Аде настоящем, наедине с гестапо и французскими их дружками из контрразведки. Не, на фронте легче!..

* * *

Голиков доложил Сталину в ноябре, что во Франции крепко усилили советское добывающее подполье... Идут в большом объеме очень нужные оперативные сведения!

Адмирал Канарис оправдывался в рейхсканцелярии перед Гитлером, когда тот истерически спросил, почему во Франции, Бельгии и Голландии вдруг появилось столько шпионских раций?! Канарис вертелся как мог:

— Мы уже у них на хвосте, мой фюрер... Операция называется «Красная капелла».

— Адмирал, мне не нравится ни капелла, ни хвост! Я жду результат!

«Идиот!» — подумал начальник абвера, выходя из кабинета фюрера.

«Идиот!» — подумал фюрер, глядя в спину адмиралу.